

– состояние мотивации персонала.

Рассмотрение организаций как культурного феномена имеет относительно давнюю историю и восходит к результатам исследований, полученных Э. Мэйо. В заводских цехах компании Western Electric Hawthorne он попытался продемонстрировать непосредственное и благотворное влияние улучшения условий труда на производительность. Самый важный вывод, который исследователь получил из последовавших за этим экспериментов исследований, заключается в том, что не условия труда как таковые, а именно внимание к работникам организации выступает решающим фактором повышения производительности.

Честер Барнард, выступая с позиции высшего руководства утверждал, что роль лидера заключается в управлении социальными силами организации, формировании и направлении ценностей. Он описал успешных (эффективных) руководителей как создателей ценностей, заботящихся о неформальном социальном состоянии организации. Барнард противопоставляет их тем руководителям, которые манипулируют формальными средствами и поощрениями, которые имеют дело лишь с более узкой задачей достижения кратковременной эффективности.

Следует также отметить, что организационная культура – является одним из элементов в модели Мак-Кинзи. Данная модель показывает, что серьезные изменения в организациях обусловлены, по крайней мере, семью комплексными переменными: стратегией, структурой, персоналом, стилем руководства, системой, специальными навыками и, безусловно, культурой (системой общих ценностей).

Базовая философия, «внутренний импульс» организации сказывается на ее относительных достижениях в значительно большей мере, чем ее технологические или экономические ресурсы, организационная структура, инновации или распределение тех или иных действий во времени. Никто не отрицает важность, значимость данных факторов для организации. Однако вышеуказанные факторы отступают на второй план в сравнении с тем, насколько сильно сотрудники организации верят в ее базовые правила, принципы и насколько твердо они придерживаются их.

Исследования показывают, что эффективность организаций, у которых отсутствует какая-либо определенная система ценностей, оказывается весьма низкой. Изучая опыт успешных организаций, было выявлено несколько общих для них характеристик, которые унифицируют эти организации, несмотря на различия в их системах ценностей. Во-первых, организационные ценности почти всегда формулируются в виде качественных, а не количественных показателей. Во-вторых, непременным атрибутом любой эффективной системы ценностей является стремление вдохновить сотрудников, работающих даже на самых нижних ступенях иерархической лестницы. В-третьих, еще одной общей чертой успешных организаций является степень, до которой руководители этих организаций стремятся поддерживать в своих подчиненных энтузиазм и высокий моральный дух.

Формирование и развитие корпоративной культуры требует много сил и времени. Поэтому, одного руководителя в таком деле недостаточно. Необходимо чтобы руководитель организации располагал эффективной командой помощников. Вышестоящее руководство организации должно задавать тон, импульс развитию организационной культуре, внушая своим подчиненным определенную систему ценностей. Следует отметить, что формирование и прививание работникам определенной системы ценностей — непростое дело. К тому же каждой конкретной организации подходят лишь некоторые из огромного множества возможных систем ценностей — это поистине трудоемкая работа.

У ИСТОКОВ ГОРДОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО РОДА

О.В. Рыжанкова, к.э.н., доцент

Белорусский государственный экономический университет (г. Минск)

М.Ф. Рыжанков, к.э.н., доцент

Белорусский государственный аграрный технический университет (г. Минск)

История — это не хронология, не череда событий, которые мы отыскиваем и логически восстанавливаем углубляясь в прошлое. История — это, прежде всего, образ жизни и состояние души. И то, как жили люди, вмещает в себя гораздо большее, чем простую смену событий. Об этом свидетельствуют семейные истории. Именно посредством семейных, то

есть очень личных, близких и волнующих воспоминаний удерживаются нравственные черты прошлого времени, которые как раз и содержат в себе связь времен. Благодаря существованию семейных воспоминаний история не пишется каждый раз заново — она продолжается. Так происходит и так должно происходить в каждой семье, равно как и в целом в жизни каждого народа. При этом не события сами по себе, но нравственный облик предшественников, мотивы их поступков, их стремления и мысли позволяют ощутить свою связь с прошлым и этим прошлым гордиться. А место гордости в семье есть всегда. Для этого вовсе не обязательно наличие большого материального богатства — более всего важны характеры, мотивы поведения людей, семейные традиции.

Гордость за свою семью, свой род, свое село можно назвать критерием, по которому прежде всего и можно определить наличие преемственности поколений. Если есть чем гордиться — значит существует связь времен, воспроизводство рода, существует история.

Много такого исторически-житейского, человеческого было в словах наших крестьян-рассказчиков, с которыми мы беседовали в рамках фундаментального научного исследования постсоветского пространства, которое проводилось в 90-е годы в рамках отдельного советско-британского проекта, а затем проекта с поддержкой Государственной Думы России. Воспоминания, которые тогда довелось услышать, были практически лишены лицемерия или какого-либо лукавства, они оказывались лишь естественным образом субъективны и только.

Ко времени наших бесед их жизни уже были практически сложены и во многом прожиты. Но признания о пережитом зачастую оказывались впервые высказанными вслух, то есть неизвестными даже ближайшей родне. При этом весьма показательным было то, что там, где дети и внуки в состоянии были участвовать в рассказах членов старшего поколения своей семьи, где они уже были ранее посвящены в историю развития своего рода, там более всего обнаруживались качественные сходства характеров. Там представители семьи разного возраста все же оставались представителями единого рода, имели и проявляли черты кровного родства, демонстрировали единство истоков своего происхождения, ибо вполне осознавали в себе нечто объединяющее, роднящее.

Там же, где воспоминания старших членов семьи озвучивались впервые, да и то по просьбе людей пришлых — в данном случае нас в качестве исследователей — было иначе. Молодое поколение таких семей предпочитало предпринимать, как правило, собственные усилия без учета потенциала своей семьи: не спрашивая, не оглядываясь, не прислушиваясь. Рядом с молодыми людьми здесь зачастую не оказывалось никого, с кем бы они соотносили себя, чьи начинания продолжали, кого почитали, кому верили, кем гордились из своего рода. Удивительно при этом, что у тех, у кого уже не оставалось ощущения родства, как правило, не существовало и соседей: все живущие рядом воспринимались как одинаково чужие и такие же одинокие люди.

Осмысливая наблюдения за взаимоотношениями между представителями разных поколений одной семьи с точки зрения знания и почитания семейных традиций, проникновенности и глубины семейного воспитания, восприятия семейных нравственных ценностей, мы смогли убедиться в том, насколько жизнеспособны поколения, обеспокоенные достойным продолжением лучших качеств своих предков, то есть поколения, имеющие и почитающие преемственность. Жизнеспособности им придает осознанная ответственность перед членами своего рода, ответственность, которая прежде всего и удерживает от необдуманных и рискованных поступков. Она же — ответственность — перед семьей и родом за свою жизнь приучает больше брать из умений и опыта предков, прислушиваться к уже пройденным жизненным урокам.

Мы воочию смогли наблюдать, что семья — это многоликая иерархия, в которой свой суд, свои законы, своя сильная наследная власть и еще — своя гордость. Гордость за свою семью — это то важное и то вездесущее, что нельзя не заметить в семьях, сохранивших тесную родственную взаимосвязь. Но, вместе с тем, это то, что невозможно уловить там, где угасает связь времен, где никому нет дела до сохранения единства рода.

Многочасовые личные беседы состоялись у нас с крестьянами в селах восточной и западной Белоруссии, а также в селах Орловской области. Кроме того, проводились такие беседы и нашими коллегами и в других регионах постсоветского пространства — Вологодской области, Сибири и Алтайском крае, Калининградской, Курганской, Саратовской и Новгородской областях, в Кубанских станицах, а также в Мордовии, Казахстане и Армении. И все они позволяли многократно убедиться в верности высказанных предполо-

жений. Оказалось, что практически повсеместно можно найти материал в подтверждение силы и стойкости родов, всерьез озабоченных тем, чтобы иметь себе продолжение, как то и дело встречались холодом веющие на душу истории, где приходилось наблюдать фактически тупиковые ветви рода.

Особенно заметным наличие духовного наследия рода оказалось в семьях западно-белорусских крестьян. Бережное отношение к различным степеням кровного родства там сразу же проявлялось в том, какими словами упоминали люди о своих ушедших предках, каким образом их называли по именам, что именно о них вспоминали. Слова, как правило, выбирались добрые, имена и прозвища — уменьшительно-ласкательные, а поступки и примеры — достойные или те, о которых можно было вспомнить с улыбкой. И все это говорили степенные пожилые люди, лица которых имели уже довольно усталый и даже суровый вид, а взгляды временами сужались до бдительного прищуривания, ибо многому к этому времени их научила жизнь, за многое заставила расплатиться, запечатлев на лицах следы пережитой боли, разочарования и горечи.

Однако эти лица светлели и одухотворялись, если приходилось вспоминать об удали своего молодого отца, который мог выращивать урожай чуть ли не вдвое больше соседского, а вечером находил время поиграть в футбол. Об этом, например, поведал нам, искрясь глазами, первый инженер одного из сел Минской области (до него инженеров здесь не было, а он вот первый сам выучился).

Если рассказчицами были женщины, то их лица от таких воспоминаний становились смешливыми, и они молодели на глазах от собственного звонкого голоса, которым рассказывали свои воспоминания. Так, например, стало известно, что некогда польское обучение предусматривало подготовку молодых барышень к знакомству с кавалерами и ведению хозяйства в семейной жизни. А также о специфике пения в церковном хоре, об обучении шитью у местных портних. И при этом женщины, как правило, гордились, что живут в селе, а не в деревне, непременно подчеркивая и каждый раз заново поясняя разницу. И все это при том, что большая часть воспоминаний проходила по годам лихолетья, и многие случаи из жизни просто невозможно было ни рассказывать, ни слушать без вздохов и слез.

Одним из примеров сохранения духовного наследия рода является семья Анатолия Дмитриевича из села Лебедево Молодечненского района.

«Я по батьку удался, — гордо замечает о себе он сам, — высоки крепки хлопец, все, ну и помогал батьку. Вот были и старше меня, Але не умели так сеять и другую работу делать, а я — всегда возле батьки. Вот и теперь один есть — Иван — он ко мне приходит косу клепать. Он не умеет косу клепать! А я этим интересовался, и батька мне показывал, даже я сам больше интересовался», — подчеркивает он.

При этом, воспроизводятся ведь не только внутрисемейные связи и отношения, наследуются и принципы взаимодействия с окружающим внешним миром, с другими людьми. И проявляется это не только в отстаивании своих интересов, но и в самих оценках чужих мнений, поступков, поведения, т.е. в формировании собственной философии жизни, системе морально-нравственных ценностей, в мировоззрении. Процесс развития самосознания неотделим от осмысления главных истин своих предков, он строится на их основе, на их постижении, на принятии или отвержении их.

«Тогда весело жить, когда сам хорошо живешь, и вокруг тебя люди хорошо живут, — цитирует напоследок Анатолий Дмитриевич своего отца. — Вот есть люди: он видит, что у тебя что-то есть — значит он завидует, что ты богатеешь, что ты что-то имеешь, так он просто тебя преследует, ненавидит — сокрушается он. — А мой батька — он всегда наоборот, он никогда не завидовал никому, а любил вот, если человек что-то имеет, когда он богатеет, он даже стремился ему помочь, чтобы он еще имел. Всякие ж бываю хозяева: у одного все бурьяном зарастет, другой будет ночь не спать, пока все не обсеет, не сделает около хаты — все ворочается у него в середине, — рассуждает он. — Хотя конечно, чем мне уже заниматься... Если б эта перестройка лет пятнадцать назад началась, то я бы взял себе земельки, и я бы показал как хозяйствовать лучше: и на каких конях ездить, и какую скотину иметь, — и все это...

Но осуществляют задуманное теперь потомки Анатолия Дмитриевича, произвольно и произвольно воспроизводя умелость своих предков, утверждая красоту труда земледельца, храня в себе силу и гордость крестьянского рода.